

ЯПОНЦЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Дмитрий Максимович ЗАЙЦЕВ,
аспирант Осакского университета, Япония

В конце XIX — начале XX в. Владивосток являл собой классический пример быстроразвивающегося капиталистического города с многочисленными социальными противоречиями: расслоением населения на бедных и богатых, высокой преступностью и т.д. Приезжавшими сюда японцами город воспринимался вполне европейским: мощенные камнем улицы, трамвай на центральной улице и пр.

Посетивший в 1983 г. Владивосток Яцу Масанори писал в своем дневнике: «Город — просто великолепен, я словно очутился в Европе»¹. Однако стоило только свернуть с главных улиц — и Владивосток показывал свое азиатское лицо: в порту можно было увидеть китайских и корейских грузчиков, «украшали» город и многочисленные восточные базары и лавчонки.

Японское население Владивостока постоянно поддерживало связь со своей родиной. Все праздники и обряды проходили согласно японским обычаям по японскому календарю, японцы оставались частью своего общества. В то же время они жили в русском городе среди русского населения, вели бизнес с русскими и были также неотъемлемой частью русского общества.

Распространение тревожных слухов об угрозе войны между Россией и Японией заставляло японцев покидать Владивосток. Ситуация в городе в предвоенные годы прослеживается в телеграммных сообщениях директора японского торгового представительства во Владивостоке Каваками Тосихико министру иностранных дел Японии Комура о положении дел в японской общине и ее реакции на приближение войны: «...Простые японцы уже начали готовиться к эвакуации, торговля полностью приостановлена...»²

По сообщениям японских дипломатов, слухи о скором начале войны распространились по всему Дальнему Востоку, Маньчжурии и русским колониям в Китае. 19 октября 1903 г. японский консул сообщал, что 13 октября 40, а на следующий день уже 60 японцев покинули Харбин. В ответ на это японское правительство разослало во все консульства инструкции, в которых говорилось, что отношения между Россией и Японией носят дружественный характер, дипломатам было предписано оповестить об этом японское население и предпринять все меры для предотвращения волнений. 23 октября Каваками Тосихико в телеграмме под заголовком «Нейтрализация слухов о скором начале войны между Россией и Японией» сообщал о том, что встревоженное слухами о скором начале войны русское и японское население города постепенно успокаивается. Чтобы нормализовать ситуацию, Каваками поместил в местных газетах обращение министра иностранных дел Японии Комура, объясняя населению города, что слухи о начале войны не имеют под собой никакого основания³.

Однако 31 декабря Каваками сообщил о том, что Владивостокский отряд кораблей готовится к началу боевых действий: «После посещения региона военным министром в Приморье потоком начали идти эшелоны с боеприпасами и продовольствием. Количество войск в Порт-Артуре и Владивостоке увеличивается,

интенсивно ведутся фортификационные работы. Ледокол каждый день чистит бухту от льда для того, чтобы в случае необходимости корабли могли быстро выйти в море»⁴. Торгпред сообщал также о том, что русская контрразведка перехватывает все его телеграммы: «В настоящее время спецслужбы проверяют даже сообщения, приходящие в японские компании. Полиция проводит обыски во всех японских магазинах. Все японцы находятся под подозрением»⁵. Каваками передал японскому правительству, что, по информации иностранных торговых представителей во Владивостоке, войны между Россией и Японией, похоже, избежать не удастся. Дипломат писал о том, что на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Сибири проживает около 7 тыс. японцев. Чтобы быстро и эффективно выполнить свои обязанности, Каваками еще раз просил правительство оперативно сообщить ему о результатах переговоров с Россией.

С началом 1904 г. волнения среди японского населения Владивостока усилились⁶. Каваками сообщал: «...чувство неприязни друг к другу особенно ярко проявляется среди русских военных, которые каждый день заняты приготовлениями к войне»⁷.

1 февраля 1904 г. комендант Владивостокской крепости через своего адъютанта уведомил японское торговое представительство о том, что в случае введения в городе военного положения все проживающие во Владивостоке японцы в течение десяти дней должны будут покинуть город. Тем, кто пожелает остаться в России, было предписано выехать в Хабаровск. Каваками так описал этот эпизод: «1 февраля адъютант коменданта крепости капитан конной жандармерии Мальпург посетил меня и сообщил, что отношения между Россией и Японией становятся с каждым днем все напряженнее и напряженнее. В связи с этим комендантом крепости рассматривается возможность введения в городе военного положения»⁸. В ответ на это японский дипломат заявил, что отношения между странами все еще носят мирный характер и никакой угрозы начала войны между Россией и Японией нет, однако пообещал «...в случае дальнейшего обострения отношений японская сторона выполнит все предписания русских властей».

Однако, как и опасался Каваками, японцам все же пришлось покинуть Владивосток: буквально на следующий день, 2 февраля, для их эвакуации в город прибыл зафрахтованный японским правительством английский пароход «Афридж».

Торгпреду Каваками, несмотря на то, что он фактически выполнял функции консула во Владивостоке, так же, как и простым японцам, было предписано покинуть территорию страны. Русские власти разрешили остаться на территории России только японскому дипломатическому корпусу. Каваками писал: «Я заявил военному губернатору и коменданту Владивостокской крепости, что до начала боевых действий я должен оставаться в городе. Оба не смогли ничего пообещать. Русское правительство категорично требовало, чтобы я покинул Владивосток»⁹.

Сообщение об эвакуации было для всех неожиданным. Во все регионы Российской империи были посланы телеграммы, в которых говорилось, что эвакуация будет осуществляться через Владивосток, последний пароход покидает порт через три дня, 5 февраля. Японская газета «Владиво-ниппо» писала: «Все прибывающие во Владивосток поезда забиты японскими семьями, прибывшими из Хабаровска, Имана, Гродеково и других населенных пунктов. Желающие вернуться на родину японцы прибыли из Харбина во Владивосток, большинство из них женщины. Японцы прибыли под конвоем пограничников и солдат охраны»¹⁰. О первой волне эвакуации подробно говорится в телеграмме секретаря

торгпредства Сато: «Никто из прибывших во Владивосток японцев не знал, что пароход для эвакуации всего один. Телеграмма с сообщением об эвакуации, посланная главой «Японского общества» в Никольск и Хабаровск, вызвала среди местного японского населения настоящий переполох»¹¹.

За два дня распорядителям «Японского общества» удалось сообщить всем японцам, находящимся на территории Российской империи, об эвакуации, подготовить и обеспечить саму эвакуацию. Основные заботы по эвакуации легли на торгпреда Каваками и распорядителей «Японского общества». Японское население Владивостока за эти дни должно было успеть закрыть офисы компаний и магазины, собрать все свое имущество и быть готовым к погрузке на пароход.

Согласно сообщениям секретаря Сато ранним утром 6 февраля на английском пароходе «Афридж» Владивосток покинули около 2400 японцев. Это была первая волна эвакуации, «Афридж» взял курс на Цуругу¹².

9 февраля Россия объявила войну Японии. В Маньчжурии, Приморье, на Сахалине и в полосе отчуждения КВЖД ввели военное положение. На Дальний Восток стали прибывать эшелоны с войсками, 15 февраля во всех губерниях Сибири и Дальнего Востока началась всеобщая мобилизация. Только после объявления Россией войны японское правительство официально решило полностью эвакуировать своих подданных с территории Российской империи.

Первоначально планировалось, что «Афридж» доставит репатриантов в Цуругу и должен будет вернуться во Владивосток для эвакуации оставшихся людей. Принимая во внимание, что Россия и Япония уже находятся в состоянии войны и «Афридж» может быть задержан русскими властями, было решено зафрахтовать для эвакуации за 20 тыс. иен стоявший в городе немецкий пароход «Батавия». 13 февраля «Батавия» вывезла из Владивостока оставшихся японцев, в основном прибывших в город из других регионов¹³. Торгпред Каваками также был вынужден покинуть Владивосток на борту немецкого парохода. Эвакуация японцев, как и заявлял военному губернатору Приморья перед войной Каваками, нанесла ощутимый удар по торговле и сфере услуг.

Японское посольство и консульства в России с началом войны были закрыты. За три дня до начала боевых действий японское правительство решило обратиться с просьбой о защите оставшихся на территории России японцев в МИД США, занимавших в войне нейтралитет. По дипломатическим каналам государственному секретарю Соединенных Штатов была передана соответствующая просьба. Государственный департамент США дал указания американскому послу в России Маккормику помочь вернуться на родину оставшимся в Корсакове двум японским дипломатам и 600 рядовым японцам. Однако в Японском море уже велись боевые действия, поэтому русское правительство запретило японцам возвращаться таким путем. Домой они могли вернуться только через Санкт-Петербург и Европу. В октябре 1904 г. благодаря помощи американского посла 800 японцев через Санкт-Петербург, Берлин и Бремен, преодолев огромное расстояние, смогли, наконец, прибыть на родину.

С эвакуацией закрылись японская школа и буддийский храм «Урадзиохонгандзи». В японских архивных документах есть упоминание о деятельности двух монахов «Урадзиохонгандзи» во время русско-японской войны. Один из них — Симидзу Сегэцу согласно сообщениям местной японской газеты «Владиво-ниппо» родился в префектуре Кагосима. Его настоящее имя — Ханада Наканосукэ. Симидзу Сегэцу приехал во Владивосток в 1897 г., занимался изучением и проповедованием буддизма, осуществлял паломничество в разные районы Восточной Сибири. С обострением русско-японских отношений Симидзу стал мирянином.

Во время войны подполковник Симидзу Сегэцу неоднократно отличался на полях сражений¹⁴. Согласно японским источникам, после возвращения Симидзу в Японию японская община во Владивостоке через торгпреда Каваками обратилась в храм «Хонгандзи» в Киото с просьбой снова направить его для службы во Владивосток. Однако из храма пришел ответ, в котором говорилось, что «в его рядах нет такого монаха». «Настоятель храма монах Сегэцу, подполковник Ханата полностью завершил свою миссию во Владивостоке. С надеждой на поражение России в войне он вернулся в Японию», — писал в своих воспоминаниях монах. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подполковник Ханата, служа в «Урадзиохонгандзи», занимался во Владивостоке шпионской деятельностью¹⁵.

Другой монах Ота Какумин приехал во Владивосток проповедником в 1902 г. До своего возвращения в Японию в 1931 г. на протяжении почти 30 лет Ота Какумин играл важную роль в жизни японской общины Владивостока. Биография монаха подробно описана в «Воспоминаниях о монахе Ота Какумин». Он родился 16 сентября 1866 г. в семье настоятеля буддийского храма «Хосэндзи» Ота Тэй-нэн в г. Екайти префектуры Миэ. Юношей Ота Какумин стал секретарем депутата, начал изучать русский язык. После смерти в 1901 г. приемного отца Какуэ он возвратился в родной дом и стал настоятелем родового храма. Однако в 1902 г., оставив в Японии жену, направился во Владивосток в качестве проповедника храма «Хонгандзи»¹⁶.

Усилиями Ота Какумина «Урадзиохонгандзи» стал центром духовной и культурной жизни местных японцев. Во время эвакуации Ота Какумин остался в России, чтобы поддержать соотечественников, которые не смогли вернуться на родину. С выписанными торгпредом Каваками документами, в которых по-русски было написано, что «предъявитель этих документов японский буддийский монах Ота Какумин следует для поддержания духа оставшихся в Сибири японцев», Ота направляется в Хабаровск и Благовещенск. Затем вместе с японскими беженцами под конвоем русских солдат следует на Северный Урал и в январе 1904 г. возвратился в Нагасаки. Прибыв на родину, Ота Какумин сразу же подал заявление с просьбой направить его на фронт армейским священником. Он принимал участие в сражении при Мукдене, постоянно находится на поле боя, отпевая души погибших японских и русских солдат. Здесь произошла встреча Ота Какумина с генералом Ноги. Исходя из биографии Ота, можно предположить, что он также занимался разведывательной деятельностью на территории России.

Накануне войны Россия и Япония развернули друг против друга активную разведывательную деятельность. С началом боевых действий русская контрразведка предприняла ряд мер для того, чтобы предотвратить шпионаж японцев, которые могли остаться во Владивостоке¹⁷. Комендантом Владивостокской крепости был издан приказ, в котором говорилось, что «в случае обнаружения в городе японцев, корейцев, подозрительных иностранцев или лиц, не имеющих постоянной работы, необходимо немедленно сообщить об этом начальнику жандармерии крепости или начальнику городской полиции».

В архиве японского МИД сохранились документы, свидетельствующие о том, что во время русско-японской войны японское правительство вело активную вербовку для шпионажа на территории Российской империи. Сразу после начала боевых действий МИД Японии разослал в свои дипломатические представительства на территории России, Китая и Кореи секретные инструкции, в которых говорилось: «Для получения более широкой информации о положении дел в России необходимо подобрать соответствующие кадры, которые бы за возна-

граждение снабжали нас достоверной информацией»¹⁸. По соображениям безопасности накануне войны все работающие в государственных учреждениях японцы были уволены. Без работы остались сотрудник Владивостокского отделения Добровольческого флота Тода Дзиндзо, переводчик городского полицейского управления Нисина Гандзиро, преподаватель Восточного института Маэда Киеси, часовой мастер Владивостокской крепости Такэути Сэндзи и др. Русские власти потребовали от торгпреда Каваками полностью освободить Владивосток от его соотечественников¹⁹. Однако, несмотря на приказ и убеждения Каваками, Маэда Киеси и еще два японца, работавшие рулевыми на судах Добровольческого флота, решили остаться в городе.

Хотя японцы во Владивостоке жили среди русских, они оставались патриотами своей родины — Страны восходящего солнца. Во время русско-японской войны, когда кризис в отношениях между странами достиг апогея, владивостокские японцы молились о победе своего отечества. Война в одночасье сделала сопредельные народы врагами.

Интервенция 1918 г. в Сибири и на Дальнем Востоке оказала на судьбу японской диаспоры гораздо большее влияние, чем русско-японская война. Страна восходящего солнца, преследуя свои цели, ни во что не ставила судьбы собственных подданных, их чаяния и надежды. После вывода японских войск в ноябре 1922 г., провозглашения советской власти в жизни города началась новая эпоха. Здесь остался лишь немногочисленный аппарат консульства, служащие японских крупных компаний и банков. В 1930-х годах с началом сталинских репрессий, после подписания в 1936 г. между Японией и Германией союзного соглашения, последние японцы были вынуждены покинуть Владивосток. Вернуться сюда они смогли только через 55 лет — в 1991 г., после второго «открытия» города.

¹ Первая перепись населения Российской империи. 1905—1906 гг.

² Яцу Масанори. Дневник путешествия в Корею и Сибирь: Национальная библиотека парламента. 1893. С. 113—117.

³ Материалы внешней политики Японии. МИД Японии. 1903. Т. 1. С. 903—917.

⁴ Там же. 1904. Т. 3. С. 657—703.

⁵ Там же. С. 662.

⁶ Там же. С. 673.

⁷ Там же. С. 678.

⁸ Там же. С. 685.

⁹ Там же. С. 687.

¹⁰ Там же. С. 697.

¹¹ Дальний Восток. 1904. 25 янв.

¹² Материалы внешней политики Японии. 1904.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Японские дипломатические миссии в России и эвакуация японцев во время русско-японской войны. Архив МИД Японии. Т. 4, папка № 5.2.1.14. Материалы внешней политики Японии. 1904.

¹⁶ Владиво-ниппо. 1917. 18 дек.

¹⁷ Кудзу Есихиса. Истории верноподданного мудреца Восточной Азии. Т. 3. 1933—1936.

¹⁸ Воспоминания о монахе Ота Какумин. 1963.

¹⁹ Дальний Восток. 1904. 18 февр.

²⁰ Материалы внешней политики Японии. 1904. Т. 3.

²¹ Там же.

SUMMARY: The author of the article “Vladivostok on the eve of Russo–Japan war (1904—1905)”, Dmitriy Zaitsev, tells about the process of the evacuation of the Japanese lived in the city on the eve of this event. People of the land of the rising Sun were able to return into this region and city only 55 years after, during the “second” opening of Vladivostok.